

Понятие источника права в трудах зарубежных правоведов

Т. А. Кандыба

Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Понятие «источник права» занимает ключевое место в общей теории права, однако единообразного толкования нет: это подпитывает споры и затрудняет согласование правопонимания. Актуальность работы обусловлена развитием правового государства и усложнением правовой системы, что требует уточнения содержания и пределов термина. В статье проанализированы подходы англосаксонской, немецкой, французской, итальянской и скандинавской школ; показано, как историческая специфика формирует разные понимания и набор источников. Обосновано, что любая система нуждается в закреплённых источниках, обеспечивающих легитимность и действие норм. Проведённый анализ зарубежных концепций источника права и их сопоставление с отдельными теориями современных российских учёных позволяют сделать вывод о значительном потенциале интеграции правовых подходов. Синергетическое сочетание национальных и международных теоретических наработок углубляет понимание природы источника права и укрепляет методологические основы правоведения.

Ключевые слова: источники права, зарубежные правовые системы, законодательство, правовой плюрализм, правовая система.

Для цитирования: Кандыба Т. А. Понятие источника права в трудах зарубежных правоведов // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 3 (81). – С. 47–63. DOI: 10.35231/18136230_2025_3_47. EDN: PAZVCZ

The Concept of the Source of Law in the Works of Foreign Legal Scholars

Timofey A. Kandyba

Independent researcher,
Saint Petersburg, Russian Federation

The notion of the “source of law” holds a central place in theory yet lacks a uniform interpretation, fueling debate and hindering coherent legal understanding. The study is relevant due to the development of the rule-of-law state and the growing complexity of the legal system, which require clarifying the term’s content and scope. The article surveys Anglo-Saxon, German, French, Italian, and Scandinavian approaches, showing how historical specificities shape differing understandings and sets of sources. It argues that any system needs established sources to secure the legitimacy and operation of norms. The analysis of foreign concepts of the source of law and their comparison with selected theories of contemporary Russian scholars indicates substantial potential for integrating legal approaches. A synergistic combination of national and international theorizing deepens understanding of the source of law and strengthens the methodological foundations of jurisprudence.

Key words: sources of law, foreign legal systems, legislation, legal pluralism, legal system.

For citation: Kandyba, T. A. (2025) Ponyatie istochnika prava v trudah zarubezhnyh pravovedov [The Concept of the Source of Law in the Works of Foreign Legal Scholars]. *Leningradskij yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (81). Pp. 47–63. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_3_47. EDN: PAZVCZ

Введение

Понятие «источник права» – одно из ключевых и в то же время дискуссионных в общей теории права и сравнительном правоведении. Под источниками права обычно понимаются общественные отношения (материальные источники права), правосознание, правые доктрины и правовая культура (идеальные источники права) и сформулированные и принятые в официальном порядке предписания властного характера (формально-юридические источники права)¹.

Несмотря на многообразие трактовок, любая развитая правовая система нуждается в признанных источниках, через которые нормы получают легитимность и обязательность. Будь то парламентский закон, одобренный демократически, или многовековой обычай, укоренившийся в сознании народа, или судебный прецедент, признанный профессиональным сообществом, – без такого признанного «канала» возникновения правила поведения оно не может стать юридически обязательным. В этом смысле разные правовые семьи решают, по сути, одну задачу: обеспечение устойчивости и предсказуемости правопорядка через закрепление круга источников и процедур их создания. Изучение трудов зарубежных правоведов об источниках права позволяет лучше понять и собственную правовую систему, критически взглянуть на ее сильные и слабые стороны.

Фундаментальные идеи об источниках права, выработанные в одной стране, способны незримо влиять на правовые системы других государств, обогащая их опыт. Осознавая общую природу и назначение источников права, национальные юриспруденции могут заимствовать друг у друга полезные идеи, сохраняя при этом свою уникальность.

¹ Ромашов Р. А. Теория государства и права: учебник. М.: Юрайт, 2018. С. 194

Такой диалог традиций способствует развитию правовой науки и приближению к более целостному, глобальному пониманию того, откуда право берет свою силу и легитимность.

Результаты

Англосаксонская правовая традиция сформировалась как плюралистическая модель: источниками права признаются и парламентские статуты, и судебные прецеденты. Первоначально, согласно позитивистской концепции Дж. Остина, право представлялось как «приказ суверена, поддержанный санкцией» [6, р. 87], что исключало прецедент как самостоятельный источник. Однако реальность быстро разошлась с теорией: практика судейского правотворчества привела к укреплению доктрины *stare decisis*. Уже У. Блэкстон утверждал, что «судебные решения – это доказательство существования права, но не сами по себе право» [7, р. 69]. Тем не менее именно суды фактически формировали нормы, а закон парламента закрепился как высший источник через правило признания, описанное Г.Хартом [12, р. 106] и переосмысленное Дж. Разом: «существование и содержание права должно определяться только на основе социальных фактов» [17, р. 51].

В дальнейшем философия права в англосаксонской традиции вышла за пределы формального позитивизма. Так, Р. Дворкин критиковал «тезис об источниках», подчеркивая, что, помимо норм, право включает ценности и принципы, раскрывающиеся через интерпретацию: «никто не должен извлекать выгоду из собственной неправоты» – это принцип, способный повлиять на решение, даже если он не закреплен в законе [9, р. 225]. Аналогично, О. У. Холмс писал: «жизнь права – не логика, а опыт» [13, р. 1], предвзяруя идеи американ-

ского и скандинавского реализма, где подлинным источником становится все, что влияет на решение суда: социальные практики, установки, контекст.

Континентально-европейская модель, напротив, характеризуется моноцентризмом. Немецкая доктрина придает закону центральное место, хотя фон Савиньи подчеркивал значение народного обычая: «важнейшим источником права является национальный обычай» [19, р. 20], Г. Кельзен выводил действительность нормы из иерархии формальных источников: «одна юридическая норма определяет способ, каким создается другая» [14, р. 110]. Французская традиция с эпохи Кодекса Наполеона отвергала судебную практику как источник: «судья – лишь уста закона» [16, р. 250], Ж. Карбоннье уточнял: «судейская практика – отражение закона или зарождение обычая, но не самостоятельный источник» [2, с. 45]. Лишь в XX в., с появлением реалистических концепций (например у М. Троппера), стали звучать идеи, что «юридический смысл рождается в процессе применения норм» [20, р. 117], тем самым сближая французскую мысль с социологическим правопониманием.

Итальянская правовая доктрина во многом близка к французской, однако имеет некоторые отличия, связанные с национальной философско-правовой мыслью и особенностями законодательной системы. Современная Италия принадлежит к романо-германской правовой семье и признает основными источниками права Конституцию (принята в 1947 г.), законы парламента и нормативные акты правительства. В Итальянской Республике сложилась четкая иерархия источников: конституционные нормы имеют высшую силу, затем идут обычные законы, далее законодательные декреты правительства, региональные законы, подзаконные акты и т. д. Такой формально-юридический порядок закреплён прямо

в положениях самих законов. Например, предварительные статьи Гражданского кодекса Италии устанавливают, что если отсутствует применимая законная норма, суд должен обратиться к аналогии закона, а при ее недостаточности – к общим принципам законодательства, и лишь затем может учитывать обычай.

Вместе с тем итальянские юристы внесли значительный вклад в общетеоретическое осмысление понятия источника права. Один из видных философов права XX в., Норберто Боббио, предложил различать «источники создания права» и «источники познания права» (*fonti di produzione vs fonti di cognizione*) [8, p. 45]. Под источниками создания понимаются те факторы и процедуры, в результате которых возникают юридические нормы (законодательный процесс, референдум, правовой обычай и т. д.). А источники познания – это формы, в которых эти нормы доводятся до сведения и могут быть обнаружены (официальные тексты законов, сборники судебной практики, юридические справочники). Данное разграничение оказалось полезным для устранения двусмысленности: к примеру, конституция выступает источником права в обоих смыслах (она и создает нормы, и является их официальным текстом), а вот сборник законов – лишь источник познания (публикации), сам по себе новых норм не порождает. В итальянской теории под источниками права чаще всего подразумевают именно источники создания, т. е. формы, наделенные правотворческой силой.

Основными формальными источниками итальянского права являются: писанный закон (в широком смысле – акты парламента и делегированные законодательные акты правительства), правовой обычай (на втором плане) и отчасти общие принципы права. Судебные решения в Италии, как и во Франции, официально не образуют новых норм, и доктрина *stare decisis* отсутствует. Тем не менее

на практике авторитет решений Конституционного и Кассационного судов очень высок. Когда эти высшие инстанции вырабатывают устойчивую линию (например, по толкованию той или иной нормы), говорят о *giurisprudenza costante*, и нижестоящие суды обычно ей следуют. Иногда итальянские ученые характеризуют стабильную судебную практику как фактический источник права, хотя формально она считается лишь толкованием.

Важной чертой итальянской правовой культуры является соединение континентальной любви к кодификации с глубокой философской традицией. Итальянские правоведы уделяли внимание не только перечислению источников, но и их легитимации. В дискуссиях XX в. звучали вопросы: почему мы считаем закон обязательным? Только ли потому, что так предписано Конституцией, или есть более глубокие основания? Эти рассуждения близки к германским (кельзеновским) вопросам об «основной норме» и к англосаксонским дебатам о «правиле признания». Однако Италия дала и оригинальные идеи. Например, еще в 1918 г. Санти Романо развил концепцию, согласно которой каждый социальный институт обладает собственным «юридическим порядком». Из этого следовало, что источники права могут быть плюральны: право создается не только государством, но и, скажем, церковью, университетом или профсоюзом, которые в рамках своей автономии издают акты (корпоративные нормативные документы, статуты) – и эти акты являются источниками права для участников данных социальных образований. Эта концепция легла в основу современного понимания автономных источников – например, договор как источник обязательств или локальные нормативные акты организаций. В итальянской системе автономные источники (например, коллективные трудовые договоры, локаль-

ные уставы) признаются, хотя и занимают более низкое положение в иерархии, чем государственный закон.

Подводя итог, отметим, что итальянский подход к источникам права сочетает строгую пирамиду государственных нормативных актов с признанием разнообразия форм, в которых рождаются и функционируют нормы, закон занимает центральное место (как и во всех странах континентального права). Обычай исторически играл большую роль, но в Новейшее время отведен на второй план и применяется субсидиарно. Судебная практика, хотя и не признается формально творцом норм, вносит существенный вклад в развитие права; однако верные романской правовой традиции итальянцы продолжают повторять: *i giudici non fanno il diritto* («судьи не творят право»). Доктрина высоко ценится – итальянские университеты славятся своими школами гражданского права – однако, опять же, считается, что она лишь объясняет право, а не создает его.

Скандинавская правовая школа известна прежде всего направлением реалистической юриспруденции (скандинавского правового реализма). Представители этой школы – шведский философ Аксель Хегерстрём, датский юрист Алф Росс, шведский юрист Карл Оливекрона и др. – в первой половине XX в. предложили свое видение права, существенно отличающееся от традиционного позитивизма. Скандинавский реализм стремился изучать право как реально действующее явление, опираясь на эмпирические методы и психологию.

В контексте темы источников права особый интерес представляют идеи датского философа права Алфа Росса, изложенные в его труде «О праве и справедливости» (1958). Росс утверждал, что теория права должна основываться на принципах эмпиризма, поэтому понятие «действительность (валидность) правовой нормы»

следует выяснять через наблюдение за поведением судей и других правоприменителей. По Россу, «правило действительно, если оно фактически применяется судами» [18, р. 14]. Иными словами, критерием юридической силы нормы является ее признание и использование в судебной практике. Это приводит к своеобразному пониманию источников права: Росс предлагал считать источниками права совокупность факторов, которые влияют на формулирование судьями конкретного решения (конкретного правового правила) [18 р. 50; 1, с. 49]. Среди таких факторов, безусловно, есть формальные – писанные законы, прецеденты: они дают судье готовое правило. Но есть и иные влияния: «нормативная идеология» судей, их представления о справедливости, устоявшиеся традиции, подготовительные материалы к законам (в Скандинавских странах последние традиционно очень важны). Росс полагал, что в сознании судей присутствует общая «идеология источников права», которая подсказывает им, к каким источникам обратиться, чтобы найти решение спора. Эта идеология включает убежденность в обязательности, например парламентского закона, а также осознание роли других материалов (например парламентских подготовительных материалов (*travaux préparatoires*), доктринальных комментариев). По сути, в каждой конкретной ситуации судья руководствуется своего рода внутренней иерархией источников, включающей как официальные тексты, так и негласные факторы.

Таким образом, скандинавы существенно расширили картину источников права. Формальными источниками в Скандинавских странах, конечно, являются законы (конституции и акты парламента), подзаконные акты, а также – в определенной мере – судебная практика (хотя без жесткого правила *stare decisis*). Так, в Швеции и Дании решения верховных судов не являются юридически

обязательными, но практически обладают авторитетом. Обычай применяется ограниченно, однако встречаются, например, отраслевые торговые обыкновения. Особенность же скандинавской правовой культуры – большая роль «подготовительных материалов»: правительственных докладов, экспозиций и объяснительных записок к законопроектам, которые судьи рассматривают как важный ориентир для толкования закона (фактически приближая их к источникам права). Доктрина также оказывает влияние: из-за небольшого размера профессиональных сообществ авторитет отдельных профессоров (например В. Лундстедта в Швеции) исторически был весьма высок.

Главное же в скандинавском подходе – акцент на фактическом действии. Право существует постольку, поскольку оно реализуется. Отсюда скандинавские реалисты склонны признавать источниками права и материальные факторы: силу привычки, социальную целесообразность, психологические мотивы поведения. Так, К. Оливекрона видел в правовых нормах лишь «привычки и мнения, направляющие поведение судей»; А. Хегерстрём и вовсе отрицал объективное существование правовых норм как таковых, называя их мистификацией, и сводил право к реальным переживаниям и воле людей. На этой основе понятие источника права как самостоятельной внешней формы практически растворяется в широком поле социальных фактов – привычек, убеждений, решений. С позиций классической юриспруденции скандинавский реализм, возможно, излишне радикально уходит от понятия формального источника. Но он позволяет взглянуть на проблему под новым углом: если правовая система есть не свод абстрактных норм, а живой процесс, то источники права – это все то, что реально направляет этот процесс и наполняет его содержанием. В самом деле, как отмечают исследовате-

ли, у Росса в классификации источников права они различаются по степени «объективации» – одни источники предоставляют уже сформулированное правило (например, статья закона), а другие дают лишь материал или вдохновение (например, культурная традиция, идеалы правосознания) [10, р. 288; 18, р. 50].

Резюмируя, подчеркнем: скандинавская школа права делает упор на том, что признание источника – акт психологический и социальный. Закон становится источником права не из-за своей логической безупречности или божественного происхождения, а потому что судьи и граждане верят в его легитимность и следуют ему. Сам по себе текст закона без практики применения – лишь мертвый набор слов. В этом смысле реалисты возвращают нас к простой истине: право черпает свою силу не только из печати на бумаге, но и из сердец и умов людей, которые готовы эту «бумагу» считать обязательной.

Различные подходы к понятию источника права в зарубежной доктрине отражают многообразие правовых культур. Для англосаксонской системы характерно плюралистическое понимание: признаются и статуты, и судебные прецеденты, а (неофициально) также основополагающие принципы и авторитетная доктрина. Континентально-европейские (немецкая, французская, итальянская) школы традиционно моноцентричны – ставят в центр закон, дополняя его субсидиарными источниками (обычаем, общими правовыми принципами) и отказывая судебной практике в нормотворческом статусе. Скандинавский реализм идет еще дальше, предлагая фактически функциональное понимание источника права как всего, что реально влияет на вынесение судебного решения.

Российская теория права, пройдя путь от дореволюционных идей через марксистско-ленинскую доктрину к современной постсоветской мысли, также выработала свои

подходы к проблеме источников. Классическая советская теория, подобно континентальной европейской, признавала основным источником нормативный правовой акт, изданный государством. Правовой обычай и судебная практика рассматривались как вспомогательные либо вовсе не признавались источниками в полноценном смысле. Однако в новейшее время отечественные ученые предпринимают попытки более широко взглянуть на вопрос, преодолеть узкий этатизм и учесть социально-идеологические аспекты права наряду с юридической формой.

Одним из таких примеров в российской науке является концепция реалистического позитивизма, разработанная профессором Р. А. Ромашовым. Она синтезировала в себе идеи юридического позитивизма и социологической школы права. В частности, Р. А. Ромашов предлагает рассматривать государство, право и даже преступность как взаимосвязанные элементы единой «государственно-правовой системы», существующей в конкретной социальной среде [4, с. 58]. Применительно к источникам права его позиция следующая: классический позитивизм верно подчеркивает необходимость официальной формы для нормы (закона, указа и т. д.), но упускает социальные «истоки» норм. Под истоками понимаются реальные процессы, из которых рождается содержание права: потребности общества, экономические отношения, правосознание, деятельность правоприменителей и т. д. Ромашов вводит термин «социальные источники права» (истоки) в противовес узко формальным источникам (законам) [4, с. 13, 59]. Он утверждает, что для полноценного понимания генезиса права необходимо учитывать оба аспекта: и формальную оболочку нормы, и то социальное содержание, которое эту норму породило и поддерживает.

Подобные идеи развивали и зарубежные правоведы. Так, Карл Ллевеллин указывал: «Право не в том, что на-

писано, а в том, как решается в судах и как применяется в жизни. Именно применение, а не формулировка, делает норму юридической» [15, р. 73]. Это подчеркивает зависимость правовой нормы от социального действия и правоприменительной практики – акцент, схожий с позицией Р. А. Ромашова. В сходном ключе рассуждает Мишель Тропер, полагая: «Право существует лишь постольку, поскольку оно принято как таковое сообществом – государством, судами, обществом. Это – вопрос признания, а не только формальной действительности» [20, р. 122].

Для сравнения обратимся к еще одной теории современной России – трудам А. В. Полякова. Его подход, называемый феноменолого-коммуникативным, значительно отличается от теории реалистического позитивизма. А. В. Поляков рассматривает право как сложную психосоциокультурную систему, возникающую в коммуникации между людьми. Применительно к источникам права это означает скепсис по отношению к восприятию права лишь как совокупности текстов. Он подчеркивает, что право не существует вне источников права, т. е. вне правовых текстов, но точно так же оно не существует и вне их интерпретации, преломляясь через структурированное языком сознание человека [3, с. 37]. По сути, эта мысль развивает идею о двусоставности права: есть объективированный правовой текст и есть его субъективное восприятие интерпретатором. Право «оживает» только при наличии и того, и другого.

Подобный взгляд находил поддержку в трудах Юргена Хабермаса, который писал: «Понимание закона возможно только через участие в его интерпретации – правовая действительность формируется в процессе дискурса» [11, р. 107]. Этот дискурсивный акцент усиливает тезис о праве как процессе коммуникации. В аналогичном направлении рассуждает Роберт Алексю, полагая, что:

«Правовая норма – это результат аргументативного процесса. Она не существует до его завершения в сознании адресатов» [5, р. 55]. Здесь право представлено как результат коллективной интерпретации, что в полной мере согласуется с представлением А. В. Полякова о праве как коммуникативной структуре.

Примечательно, что позиции Р. А. Ромашова и А. В. Полякова имеют общее: обе подчеркивают значимость человеческого фактора (социальной практики, правосознания) наряду с формой. Но есть и различие: Р. А. Ромашов сохраняет привычную терминологию «формальные источники» vs «истоки», тогда как А. В. Поляков даже формальный источник трактует через призму восприятия (текст как информация).

Заключение

Анализ концепций источника права в трудах зарубежных правоведов показывает, что это понятие не имеет универсального и однозначного содержания. Каждая правовая традиция выработала свои акценты: англосаксонская модель исторически ориентирована на плюралистическое понимание (признаются и закон, и прецедент, а неофициально также принципы и доктрина), тогда как континентальные системы (немецкая, французская, итальянская) традиционно моноцентричны, сводя источник права преимущественно к писаному закону при вспомогательной роли обычая и принципов. Итальянская школа наряду с признанием верховенства закона обращает внимание на разграничение собственно правотворческих источников и источников опубликования права. Скандинавская юриспруденция вообще трактует источники права во многом фактически: это все факторы, влияющие на решение суда, включая не только законы и прецеденты, но и устойчивые социальные

традиции, психологические установки и т. д. Формы права отступают на второй план перед вопросом о том, что реально побуждает судью вынести то или иное решение. Таким образом, акцент смещен с формальной легитимности нормы на ее реальную эффективность и признание обществом.

Сопоставление этих подходов с отечественной наукой (на примере реалистического позитивизма Р. А. Ромашова и концепции А. В. Полякова) выявляет и различия, и сближение. Советско-российская традиция долгое время придерживалась формально-юридического понимания источника права (как и континентально-европейская доктрина). Однако современные российские теоретики, не игнорируя достижения зарубежной мысли, все больше находят ответы при разработке собственных оригинальных концепций, учитывают социальный и идеальный аспекты наряду с юридической формой. В итоге прослеживается конвергенция: признается, что правовая норма приобретает обязательность лишь будучи воспринятой и поддержанной обществом (будь то через реализацию или через смысловую интерпретацию). При этом сохраняется и уважение к форме – в правовом порядке необходимы официально признанные носители норм, которые служат опорой легитимности.

Список литературы

1. Васильева Н. С. Валидность и источники права: реалистическая концепция А. Росса // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 4. – С. 47–51.
2. Карбонье Ж. Юридическая социология. – М.: Прогресс, 1980. – С. 352.
3. Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003. – С. 843.
4. Ромашов Р. А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 1 (258). – С. 12–20. EDN: RMAVST.
5. Alexy R. The Argument from Injustice. – Oxford: OUP, 2002. – P. 180.

6. Austin J. The Province of Jurisprudence Determined. – London: John Murray, 1832. – P. 507.
7. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. – Vol. 1. – Oxford: Clarendon Press, 1765. – P. 473 (approx.).
8. Bobbio N. Teoria dell'ordinamento giuridico. – Torino: Giappichelli, 1960. – P. 276.
9. Dworkin R. Law's Empire. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. – P. 470.
10. Ehrlich E. Fundamental Principles of the Sociology of Law. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1936. – P. 509.
11. Habermas J. Between Facts and Norms. – Cambridge, MA: MIT Press, 1996. – P. 631.
12. Hart H. L. A. The Concept of Law. – Oxford: Clarendon Press, 1961. – P. 293.
13. Holmes O. W. The Common Law. – Boston: Little, Brown & Co., 1881. – P. 422.
14. Kelsen H. General Theory of Law and State. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1945. – P. 516.
15. Llewellyn K. The Bramble Bush. – N.Y.: Oxford Univ. Press, 2008. – P. 174.
16. Montesquieu C.-L. De l'esprit des lois. 2 volumes – Genève, 1748. – Vol. 1. – P. 408.
17. Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. – Oxford: Clarendon Press, 1979. – P. 292.
18. Ross A. On Law and Justice. – London: Stevens & Sons, 1958. – P. 383.
19. Savigny F. C. Of the Vocation of Our Age for Legislation and Jurisprudence. – London: Littlewood & Co., 1831. – P. 92.
20. Troper M. La théorie du droit, le droit, l'État. – Paris: PUF, 2001. – P. 334.

References

1. Vasil'eva, N. S. (2016) Validnost' i istochniki prava: realistscheskaya koncepciya A. Rossa [Validity and Sources of Law: A. Ross's Realist Conception]. *Vestnik RUDN – RUDN Bulletin*. No. 4. (In Russian).
2. Carbonnier, J. (1980) *Yuridicheskaya sociologiya* [Legal Sociology]. Moscow: Progress. (In Russian).
3. Polyakov, A. V. (2003) *Obshchaya teoriya prava: fenomenologiko-kommunikativnyj podhod* [General Theory of Law: Phenomenological-Communicative Approach]. St. Petersburg: Yuridicheskij centr Press. (In Russian).
4. Romashov, R. A. (2005) Realisticheskij pozitivizm: integrativnyj tip sovremen-nogo pravoponimaniya [Realistic Positivism: an Integrative Type of Modern Legal Understanding]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie – News of higher educational institutions. Jurisprudence*. No. 1 (258). (In Russian).
5. Alexy, R. (2002) The Argument from Injustice. Oxford: OUP.
6. Austin, J. (1832) The Province of Jurisprudence Determined. London: John Murray.
7. Blackstone, W. (1765) Commentaries on the Laws of England. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press.
8. Bobbio, N. (1960) Teoria dell'ordinamento giuridico. Torino: Giappichelli. (In Italian).
9. Dworkin, R. (1986) Law's Empire. Cambridge, MA: Harvard University Press.
10. Ehrlich, E. (1936) Fundamental Principles of the Sociology of Law. Cambridge, MA: Harvard University Press.
11. Habermas, J. (1996) Between Facts and Norms. Cambridge, MA: MIT Press.

12. Hart, H. L. A. (1961) The Concept of Law. Oxford: Clarendon Press.
13. Holmes, O. W. (1881) The Common Law. Boston: Little, Brown & Co.
14. Kelsen, H. (1945) General Theory of Law and State. Cambridge, MA: Harvard University Press.
15. Llewellyn, K. (2008) The Bramble Bush. N.Y.: Oxford Univ. Press.
16. Montesquieu, C.-L. (1748) De l'esprit des lois. 2 vols. Vol.1. Genève. (In French).
17. Raz, J. (1979) The Authority of Law: Essays on Law and Morality. Oxford: Clarendon Press.
18. Ross, A. (1958) On Law and Justice. London: Stevens & Sons.
19. Savigny, F. C. (1831) Of the Vocation of Our Age for Legislation and Jurisprudence. London: Littlewood & Co.
20. Troper, M. La théorie du droit, le droit, l'État. Paris: PUF. (In French).

Об авторе

Кандыба Тимофей Андреевич, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-4360-3850, e-mail: timarus@mail.ru

About the author

Timofey A. Kandyba, Independent researcher, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0005-4360-3850, e-mail: timarus@mail.ru

*Поступила в редакцию: 05.07.2025
Принята к публикации: 11.08.2025
Опубликована: 29.09.2025*

*Received: 05 July 2025
Accepted: 11 August 2025
Published: 29 September 2025*